

Ашик-Кериб

Category: Kitarcy, Mistika we fantastika

написано kitarcy | 22 января, 2025

Ашик-Кериб Русская фантастика

► АШИК-КЕРИБ Давно тому назад в городе Тифлизе (Тифлис, старинное название Тбилиси. -Ред.) жил один богатый турок. Много Аллах дал ему золота, но дороже золота была ему единственная дочь Магуль-Мегери. Хороши звезды на небеси, но за звездами живут ангелы, и они еще лучше, так и Магуль-Мегери была лучше всех девушек Тифлиза. Был также в Тифлизе бедный Ашик-Кериб. Пророк не дал ему ничего, кроме высокого

сердца и дара песен; играя на саазе (балалайка турецкая) и прославляя древних витязей Туркестана, ходил он по свадьбам увеселять богатых и несчастных. На одной свадьбе он увидел Магуль-Мегери, и они полюбили друг друга. Мало было надежды у бедного Ашик-Кериба получить ее руку, — и он стал грустен, как зимнее небо. Вот раз он лежал в саду под виноградником и наконец заснул. В это время шла мимо Магуль-Мегери с своими подругами; и одна из них, увидав спящего ашика (балалаечника), отстала и подошла к нему. Что ты спишь под виноградником, — запела она, — вставай, безумный, твоя газель идет мимо. Он проснулся — девушка порхнула прочь, как птичка. Магуль-Мегери слышала ее песню и стала ее бранить. — Если б ты знала, — отвечала та, — кому я пела эту песню, ты бы меня поблагодарила: это твой Ашик-Кериб. — Веди меня к нему, — сказала Магуль-Мегери. И они пошли. Увидав его печальное лицо, Магуль-Мегери стала его спрашивать и утешать. — Как мне не грустить, — отвечал Ашик-Кериб, — я тебя люблю, и ты никогда не будешь моею. — Проси мою руку у отца моего, — говорила она, — и отец мой сыграет нашу свадьбу на свои деньги и наградит меня столько, что нам вдвоем достанет. Хорошо, — отвечал он, — положим, Аяк-Ага ничего не пожалеет для своей дочери; но кто знает, что после ты не будешь меня упрекать в том, что я ничего не имел и тебе всем обязан. Нет, милая Магуль-Мегери, я положил зарок на свою душу: обещаю семь лет странствовать по свету и нажать себе богатство либо погибнуть в дальних пустынях; если ты согласна на это, то по истечении срока будешь моею. Она согласилась, но прибавила, что если в назначенный день он не вернется, то она сделается женою Куршуд-бека, который давно уж за нее сватается. Пришел Ашик-Кериб к своей матери; взял на дорогу ее благословение, поцеловал маленькую сестру, повесил через плечо сумку, оперся на посох странничий и вышел из города Тифлиза. И вот догоняет его всадник, — он смотрит: это Куршуд-бек. — Добрый путь! — кричал ему бек. — Куда бы ты ни шел, странник, я твой товарищ. Не рад был Ашик своему товарищу, но нечего делать. Долго они шли вместе, наконец завидели перед собою реку. Ни моста, ни броду. — Плыви вперед, — сказал Куршуд-бек — я за тобою последую. Ашик сбросил верхнее платье и поплыл. Переправившись, глядь назад-о горе! О всемогущий Аллах! — Куршуд-бек, взяв его одежды, ускакал обратно в

Тифлизи, только пыль вилась за ним змеею по гладкому полю. Прискакав в Тифлизи, несет бек платье Ашик-Кериба к его старой матери. – Твой сын утонул в глубокой реке, – говорит он, – вот его одежда. В невыразимой тоске упала мать на одежды любимого сына и стала обливаться их жаркими слезами; потом взяла их и понесла к нареченной невестке своей, Магуль-Мегери. – Мой сын утонул, – сказала она ей. – Куршудбек привез его одежды; ты свободна. Магуль-Мегери улыбнулась и отвечала: – Не верь, это все выдумки Куршудбека; прежде истечения семи лет никто не будет моим мужем. Она взяла со стены свою сааз и спокойно начала петь любимую песню бедного Ашик-Кериба. Между тем странник пришел бос и наг в одну деревню. Добрые люди одели его и накормили; он за это пел им чудные песни. Таким образом переходил он из деревни в деревню, из города в город, и слава его разнеслась повсюду. Прибыл он наконец в Халаф. По обыкновению, вошел в кофейный дом, спросил сааз и стал петь. В это время жил в Халафе паша, большой охотник до песельников. Многих к нему приводили, – ни один ему не понравился. Его чауши (слуги. – Ред.) измучились, бегая по городу. Вдруг, проходя мимо кофейного дома, слышат удивительный голос. Они туда. – Иди с нами к великому паше, – закричали они, – или ты отвечаешь нам головою! – Я человек вольный, странник из города Тифлиза, – говорит Ашик-Кериб, – хочу пойду, хочу нет; пою, когда придется, – и ваш паша мне не начальник. Однако, несмотря на то, его схватили и привели к паше. – Пой, – сказал паша. И он запел. И в этой песне он славил свою дорогую Магуль-Мегери; и эта песня так понравилась гордому паше, что он оставил у себя бедного Ашик-Кериба. Посыпалось к нему серебро и золото, заблистали на нем богатые одежды. Счастливо и весело стал жить Ашик-Кериб и сделался очень богат. Забыл он свою Магуль-Мегери или нет, не знаю, только срок истекал. Последний год скоро должен был кончиться, а он и не готовился к отъезду. Прекрасная Магуль-Мегери стала отчаиваться. В это время отправлялся один купец с караваном из Тифлиза с сорока верблюдами и восьмьюдесятью невольниками. Призывает она купца к себе и дает ему золотое блюдо. – Возьми ты это блюдо, – говорит она, – и в какой бы ты город ни приехал, выставь это блюдо в своей лавке и объяви везде, что тот, кто признается моему блюду хозяином и докажет это, получит его и

вдобавок вес его золотом. Отправился купец, везде исполнял поручение Магуль-Мегери, но никто не признался хозяином золотому блюду. Уж он продал почти все свои товары и приехал с остальными в Халаф. Объявил он везде поручение Магуль-Мегери. Услыхав это, Ашик-Кериб прибегает в караван-сарай (постоялый и торговый двор на Востоке. – Ред.): и видит золотое блюдо в лавке тифлизского купца. – Это мое! – сказал он, схватив его рукою. – Точно твое, – сказал купец, – я узнал тебя, Ашик-Кериб. Ступай же скорее в Тифлиз, твоя Магуль-Мегери велела тебе сказать, что срок истекает, и если ты не будешь в назначенный день, то она выйдет за другого. В отчаянии Ашик-Кериб схватил себя за голову: оставалось только три дня до рокового часа. Однако он сел на коня, взял с собой суму с золотыми монетами – и поскакал, не жалея коня. Наконец измученный бегун упал бездыханный на Арзинган горе, что между Арзиньяном и Арзерумом. Что ему было делать: от Арзиньяна до Тифлиза два месяца езды, а оставалось только два дня. – Аллах всемогущий! – воскликнул он. – Если ты уж мне не поможешь, то мне нечего на земле делать! И хочет он броситься с высокого утеса. Вдруг видит внизу человека на белом коне и слышит громкий голос: – Оглан (юноша. – Ред.), что ты хочешь делать? – Хочу умереть, – отвечал Ашик. – Слезай же сюда, если так, я тебя убью. Ашик спустился кое-как с утеса. – Ступай за мною, – сказал громко всадник. – Как я могу за тобою следовать, – отвечал Ашик, – конь твой летит, как ветер, а я отягощен сумою. – Правда. Повесь же суму свою на седло мое и следуй. Отстал Ашик-Кериб, как ни старался бежать. – Что ж ты отстаешь? – спросил всадник. – Как же я могу следовать за тобою, твой конь быстрее мысли, а я уж измучен. – Правда; садись же сзади на коня моего и говори всю правду: куда тебе нужно ехать? – Хоть бы в Арзерум поспеть нынче, – отвечал Ашик. – Закрой же глаза. Он закрыл. – Теперь открой. Смотрит Ашик: перед ним белеют стены и блещут минареты Арзерума. – Виноват, Ага, – сказал Ашик, – я ошибся, я хотел сказать, что мне надо в Каре. – То-то же, – отвечал всадник, – я предупредил тебя, чтоб ты говорил мне сущую правду. Закрой же опять глаза... Теперь открой. Ашик себе не верит в то, что это Каре. Он упал на колени и сказал: – Виноват, Ага, трижды виноват твой слуга Ашик-

Кериб; но ты сам знаешь, что если человек решился лгать с утра, то должен лгать до конца дня: мне по-настоящему надо в Тифлиз. – Экой ты неверный! – сказал сердито всадник. – Но нечего делать, прощаю тебя: закрой же глаза. Теперь открой, – прибавил он по прошествии минуты. Ашик вскрикнул от радости: они были у ворот Тифлиза. Принеся искреннюю свою благодарность и взяв свою суму с седла, Ашик-Кериб сказал всаднику: – Ага, конечно, благодеяние твое велико, но сделай еще больше; если я теперь буду рассказывать, что в один день поспел из Арзиньяна в Тифлиз, мне никто не поверит; дай мне какое-нибудь доказательство. – Наклонись, – сказал тот, улыбнувшись, – и возьми из-под копыта коня комок земли и положи его за пазуху; и тогда, если не станут верить истине слов твоих, то вели привести к себе слепую, которая семь лет уж в этом положении, помажь ей глаза – и она увидит. Ашик взял кусок земли из-под копыта белого коня, но только он поднял голову – всадник и конь исчезли. Тогда он убедился в душе, что его покровитель был не кто иной, как Хадерилиаз (св. Георгий. – Ред.). Только поздно вечером Ашик-Кериб отыскал дом свой. Стучит он в двери дрожащею рукою, говоря: – Ана, ана (мать), отвори: я божий гость; и холоден и голоден; прошу, ради странствующего твоего сына,пусти меня. Слабый голос старухи отвечал ему: – Для ночлега путников есть дома богатых и сильных; есть теперь в городе свадьба – ступай туда! Там можешь провести ночь в удовольствии. – Ана, – отвечал он, – я здесь никого знакомых не имею и потому повторяю мою просьбу: ради странствующего твоего сына,пусти меня! Тогда сестра его говорит матери: – Мать, я встану и отворю ему двери. – Негодная! – отвечала старуха. – Ты рада принимать молодых людей и угощать их, потому что вот уже семь лет, как я от слез потеряла зрение. Но дочь, не внимая ее упрекам, встала, отперла двери ипустила Ашик-Кериба. Сказав обычное приветствие, он сел и с тайным волнением стал осматриваться. И видит он, на стене висит, в пыльном чехле, его сладкозвучная сааз. И стал он спрашивать у матери: – Что висит у тебя на стене? – Любопытный ты гость, – отвечала она, – будет и того, что тебе дадут кусок хлеба и завтра отпустят тебя с богом. – Я уж сказал тебе, – возразил он, – что ты моя родная мать, а это сестра моя, и потому прошу объяснить мне, что это висит на стене? – Это

сааз, сааз, – отвечала старуха сердито, не веря ему. – А что значит сааз? – Сааз то значит, что на ней играют и поют песни. И просит Ашик-Кериб, чтобы она позволила сестре снять сааз и показать ему. – Нельзя, – отвечала старуха, – это сааз моего несчастного сына; вот уже семь лет она висит на стене, и ничья живая рука до нее не дотрагивалась. Но сестра его встала, сняла со стены сааз и отдала ему. Тогда он поднял глаза к небу и сотворил такую молитву: – О всемогущий Аллах! Если я должен достигнуть до желаемой цели, то моя семиструнная сааз будет так же стройна, как в тот день, когда я в последний раз играл на ней! – И он ударил по медным струнам, и струны согласно заговорили; и он начал петь: -Я бедный Кериб (нищий) – и слова мои бедны; но великий Хадерилиаз помог мне спуститься с крутого утеса, хотя я беден и бедны слова мои. Узнай меня, мать, своего странника. После этого мать его зарыдала и спрашивает его: – Как тебя зовут? – Рашид (храбрый), – отвечал он. – Раз говори, другой раз слушай, Рашид, – сказала она, – своими речами ты изрезал сердце мое в куски. Нынешнюю ночь я во сне видела, что на голове моей волосы побелели, а вот уж семь лет, я ослепла от слез. Скажи мне ты, который имеешь его голос, когда мой сын придет? И дважды со слезами она повторила ему просьбу. Напрасно он называл себя ее сыном, но она не верила. И спустя несколько времени просит он: – Позволь мне, матушка, взять сааз и идти, я слышал, здесь близко есть свадьба: сестра меня проводит; я буду петь и играть, и все, что получу, принесу сюда и разделю с вами. – Не позволю, – отвечала старуха, – с тех пор, как нет моего сына, его сааз не выходила из дому. Но он стал клясться, что не повредит ни одной струны. – А если хоть одна струна порвется, – продолжал Ашик, – то отвечаю моим имуществом. Старуха ощупала его сумы и, узнав, что они наполнены монетами, отпустила его. Проводив его до богатого дома, где шумел свадебный пир, сестра осталась у дверей слушать, что будет.

В этом доме жила Магуль-Мегери, и в эту ночь она должна была сделаться женою Куршуд-бека. Куршуд-бек пировал с родными и друзьями, а Магуль-Мегери, сидя за богатою чапрой (занавес) с своими подругами, держала в одной руке чашу с ядом, а в другой острый кинжал: она поклялась умереть прежде, чем опустит голову на ложе Куршуд-бека. И слышит она

из-за чапры, что пришел незнакомец, который говорил: – Селям алейкюм! Вы здесь веселитесь и пируете, так позвольте мне, бедному страннику, сесть с вами, и за то я спою вам песню. – Почему же нет, – сказал Куршуд-бек. – Сюда должны быть впускаемы песельники и плясуны, потому что здесь свадьба: спой же что-нибудь Ашик (певец), и я отпущу тебя с полной горстью золота. Тогда Куршуд-бек спросил его: – А как тебя зовут, путник? – Шинды-Гёрурсез (скоро узнаете). – Что это за имя! – воскликнул тот со смехом. – Я в первый раз такое слышу. – Когда мать моя была мною беременна и мучилась родами, то многие соседи приходили к дверям спрашивать, сына или дочь бог ей дал; им отвечали -шинды-гёрурсез (скоро узнаете). И вот поэтому, когда я родился, мне дали это имя. – После этого он взял сааз и начал петь: – В городе Халафе я пил мисирское вино, но бог дал мне крылья, и я прилетел сюда в день. Брат Куршуд-бека, человек малоумный, выхватил кинжал, воскликнув: – Ты лжешь! Как можно из Халафа приехать сюда? – За что ж ты меня хочешь убить? – сказал Ашик. – Певцы обыкновенно со всех четырех сторон собирают в одно место; и я с вас ничего не беру, верьте мне или не верьте. – Пускай продолжает, – сказал жених. И Ашик-Кериб запел снова: – Утренний намаз творил я в Арзиньянской долине, полуденный намаз в городе Арзеруме; перед заходом солнца творил намаз в городе Карее, а вечерний намаз в Тифлизе. Аллах дал мне крылья, и я прилетел сюда; дай бог, чтоб я стал жертвою белого коня, он скакал быстро, как плясун по канату, с горы в ущелья, из ущелья на гору; Маулям (создатель) дал Ашику крылья, и он прилетел на свадьбу Магуль-Мегери. Тогда Магуль-Мегери, узнав его голос, бросила яд в одну сторону, а кинжал в другую. – Так-то ты сдержала свою клятву, – сказали ее подруги. – Стало быть, сегодня ночью ты будешь женою Куршуд-бека? – Вы не узнали, а я узнала милый мне голос, – отвечала Магуль-Мегери, и, взяв ножницы, она прорезала чапру. Когда же посмотрела и точно узнала своего Ашик-Кериба, то вскрикнула, бросилась к нему на шею, и оба упали без чувств. Брат Куршуд-бека бросился на них с кинжалом, намереваясь заколоть обоих, но Куршуд-бек остановил его, промолвив: – Успокойся и знай: что написано у человека на лбу при рождении, того он не минует. Придя в чувство, Магуль-Мегери покраснела

от стыда, закрыла лицо рукою испряталась за чапру. –
Теперь точно видно, что ты Ашик-Кериб, – сказал жених, – но
поведай, как же ты мог в такое короткое время проехать такое
великое пространство? – В доказательство истины, –
отвечал Ашик, – сабля моя перерубит камень; если же я лгу,
то да будет шея моя тоньше волоска. Но лучше всего приведите
мне слепую, которая бы семь лет уж не видала света божьего,
и я возвращу ей зрение. Сестра Ашик-Кериба, стоявшая у
двери, услышав такую речь, побежала к матери. –
Матушка! – закричала она. – Это точно брат, и точно твой сын
Ашик-Кериб, – и, взяв ее под руку, повела старуху на пир
свадебный. Тогда Ашик взял комок земли из-за пазухи,
развел его водою и намазал матери глаза, промолвив: –
Знайте все люди, как могущ и велик Хадерилиаз. И мать его
прозрела. После того никто не смел сомневаться в истине слов
его, и Куршуд-бек уступил ему безмолвно прекрасную Магуль-
Мегери. Тогда в радости Ашик-Кериб сказал ему: –
Послушай, Куршуд-бек, я тебя утешу: сестра моя не хуже
твоей прежней невесты, я богат: у ней будет не менее
серебра и золота; итак, возьми ее за себя – и будьте так же
счастливы, как я с моей дорогою Магуль-Мегери. Михаил Юрьевич
ЛЕРМОНТОВ. Mistika we fantastika